

Маша Царева

Несладкая жизнь

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169917
Несладкая жизнь: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-28497-9*

Аннотация

В новом романе Маша Царева со свойственной ей вездливостью продолжает рассматривать под лупой пороки и амбиции современных горожан. Метросексуалы, золотые детки, золушки, порнозвезды – любую житейскую историю Маша словно выворачивает наизнанку, и в результате Москва предстает театром абсурда. «Несладкая жизнь» – книга о том, как житейская катастрофа может стать первопричиной феноменального успеха и как из самой черной ямы можно выкарабкаться на олимп.

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Маша Царева

Несладкая жизнь

* * *

– Самое главное – не оборачивайся. Веди себя так, как будто этот город принадлежит тебе. Представь, что за углом тебя ждет золотой «Ламборджини» и восемь человек личной охраны. Вообрази, что эти джинсы ты купила в Риме... Хотя нет, твоим джинсам даже богатая фантазия не поможет... Черт, как тебя вообще угораздило их надеть??? Да еще в такой день???

– Оль, перестань... Все равно ничего не получится. Посмотри, кто ОНИ и кто МЫ? Неужели ты не видишь разницы?

– Я тебя умоляю. Если мне нарастить волосы и сиськи, если сходить в солярий хотя бы десять раз и купить дорогое платье, я буду ничуть не хуже. Посмотри на ту деваху в красном! Она же похожа на Роуэна Аткинсона в роли Мистера Бина, все лицо в кучку... А как вежливо разговаривает с ней охранник. Да если бы...

– Вот именно – если бы! Пойми, дело не в волосах и платьях. У этих людей было все с самого рождения. Их воспитывали как принцев и принцесс, и это отпечаталось у них на лицах. По ним сразу видно, что их обожали, холили-лелеяли, отправляли учиться в Цюрих, отдыхать – в Рио, на день рождения им дарили не гель для душа, а брильянты, пони, кабриолеты! Они ходят к психоаналитику с четырнадцати лет. На них метка власти!.. Нет, Оль, я никуда не пойду.

Две девушки стояли на углу неприметной узкой улочки и бульвара, на который уже спустилась густая вуаль сиреневых московских сумерек. Обычные девчонки – лет восемнадцать-девятнадцать, не больше. Милые круглые личики, трогательный перебор с тенями для век, взволнованный румянец, блестящие от розовой помады губы. На одной было немного нелепое ярко-оранжевое платье и туфли на таких каблуках, что при желании с них можно было бы прыгнуть с парашютом. Другая была одета поскромнее – джинсы, простая футболка, бусы из крупного фальшивого жемчуга, которые и сами по себе выглядели пошло-вато, а на ней смотрелись и вовсе инородным элементом, не тянущим даже на китч.

Совсем недалеко, в пятидесяти шагах, возле неприметной железной двери одного из старых московских особняков гудела-волновалась разношерстная толпа. Там находился один из самых модных ночных клубов города – считалось, что о его существовании знают лишь избранные, поскольку ни вывески, ни других опознавательных знаков на доме не было. На самом деле Москва не умеет хранить секреты. Каждый уважающий себя второкурсник мясомолочного института отдал бы три здоровых зуба за возможность просочиться хотя бы в предбанник и поглазеть на завсегдатаев – эстрадных звезд и томных манекенщиц, разодетых светских дамочек и серых кардиналов большого бизнеса, золотую молодежь, виджеев MTV, красивых актрисулеч, лучших московских стриптизерш – в общем, всех тех, чья повседневность имела статус *dolce vita*.

Клуб «La-La» принадлежал двадцатилетнему Давиду Даеву, известному тусовщику, баловню судьбы, сыну одного из самых богатых банкиров России, полноправному хозяину неоновых-никотиновых московских ночей.

– Оль, может лучше в кино? – жалобно ныла девушка в фальшивом жемчуге.

– Нет уж, Нюра, – сжала губы ее более решительная подруга, – мы должны пройти это испытание до конца.

У девушки по имени Ольга был до того решительный вид, что толпа расступилась перед нею, как перед оscarоносной кинозвездой. Нюра в очередной раз удивилась врожденному умению подруги производить впечатление. Они дружили с самого детства, с первого класса, и всегда Ольга была местечковой королевой, а Нюра – ее верной тихой фрейлиной.

Охранник, мрачноватый тип с телосложением боксера-тяжеловеса, с профессиональной ловкостью преградил им путь. Казалось, он даже не взглянул в их сторону и все же неким мистическим шестым чувством учуял, что таким девушкам нечего делать в суперпафосном заведении вроде клуба «La-La».

Бойкая Оля пыталась спорить с ним на повышенных тонах (роковая, между прочим, ошибка, ибо истерика действует на столичных фейс-контрольщиков как двухтомник Блаватской на Пэрис Хилтон; они сразу понимают, что перед ним ягодки иного поля), а предприимчивая Нюра попыталась просунуть в его железную ладошку мятый полтинник (чем веселила всю очередь).

И вот когда они, обиженно сгорбившись, собрались уйти ни с чем, вдруг случилось чудо.

Возле клуба остановился «Порш Кайен» с леопардовым рисунком на дверцах и капоте, из него вывалилась компания, которая своей колоритностью могла бы соперничать со статистами из клипа Мадонны Mr. DJ. Темноволосый молодой человек, с идеально правильными чертами лица (возможно, не обошлось без ринопластики и татуажа губ), приятно смуглой кожей, стильно триммингованной бородкой, в белоснежном фраке и потертых джинсах, и две девицы модельного вида с холеными телами, безупречными лицами и одинаковыми равнодушными взглядами. Гармония контраста: одна из красоток была темнокожей, с копной цыгански черных кудрей – рядом с ней Наоми Кемпбелл и Бейонсе показались бы поломойками-замарашками. Другая – бледная блондинка скандинавского типа. На обеих девицах были блестящие мини-платья и норковые шубки, несмотря на то что в городе хозяйничало пусть по-московски жиденькое, но все-таки лето.

– Посмотри на них, – невольно восхитилась Нюра. – Я даже не знала, что живые люди могут быть такими...

– Ты что, дура? – резко сказала Оля, так и не оправившаяся от унижения. – Это же сам Даев!

– Давид Даев? Господи, я его и не узнала, – неухоженная ручонка с обкусанными ногтями взметнулась к груди. – В жизни он гораздо лучше, чем на фотографиях.

– А может, подойдем к нему? – предложила Оля, глядя, как кумир светских хроник с неторопливой грацией сытого кота пробирается сквозь толпу, поддерживая за талии свой ослепительный эскорт.

– Да он небось на таких, как мы, и не взглянет!

Эта невинная фраза подействовала на самолюбивую Олю как красная тряпка на быка. Она и сама не поняла, что произошло, – как будто бы из нее вырвалась другая Ольга, смелая и наглая, до этого терпеливо ожидавшая звездного выхода. У этой новой Ольги фанатично горели глаза и хищно раздувались ноздри, и была она до того прекрасна в своем спонтанном порыве, что Нюра даже отшатнулась – на мгновение ей показалось, что лучшая подруга превратилась в ведьму на ее глазах.

– Давид! – ее голос был громче и звонче других обращенных к нему голосов. – Давид, посмотри на меня! Я здесь! Возьми меня с собой.

Это казалось невероятным, но он остановился. Нахмурившись, нашел в толпе ее лицо. И его капризно сложенные губы тронула легкая улыбка. Он сделал знак охраннику, и тот приподнял перед Ольгой бархатную ленточку.

Увязавшую за ними Нюру беспардонно остановили. Райский вход закрылся, злобный цербер был хладнокровен и неподкупен.

– Но как же я... Я же с ней... – лепетала Нюра, – это моя лучшая подруга... С самим Давидом Даевым... Она не может меня здесь оставить.

Словно в подтверждение этих слов из-за приоткрытой двери выглянула довольная Олина мордашка. Судя по ее томному виду и размазанной вокруг губ помаде, она только что целовалась.

– Нюрочка, прости, он говорит, что ты не можешь войти...

– Что? Как это?

– Иди домой! – велела Ольга. – Ты же не очень-то и хотела сюда.

– Но как же... Мы же вместе...

– Нюр, я ему понравилась. Он совсем не сноб, такой милый! Отправил куда-то своих моделек, все разговаривает со мной!

– Но прошло всего пять минут! Когда ты успела понять, что он милый?

– Все, мне пора... Завтра созвонимся!

Дверь захлопнулась.

Девушка в нелепых жемчужных бусах осталась на ночном бульваре одна.

– Не переживайте, – вдруг подал голос security, – ничего вашей подружке не светит. У него каждый вечер новая девушка. А иногда и не одна... Это же Давид Даев!

Что можно о нем сказать?

Давид Даев был богом, богом этого города, с недостижимого Олимпа взирающим на суету, мельтешню и всеобщее болезненное желание казаться богаче и успешнее, чем есть на самом деле. Он был не из тех внезапно разбогатевших амбициозных детей безумных девяностых, которые еще вчера хранили накопления в старой наволочке, украшали наклейками «Street Race» свои никудышные подержанные авто и за распитием друзьями «Клинского» пива мечтали о том, как когда-нибудь они будут рыбачить в Индийском океане, носить Ролекс и трахать девушек, клипы которых попали в ротацию Муз-ТВ. Он вырос в роскоши. Единственный сын миллиардера – поздний, долгожданный, – естественно, ему не отказывали ни в чем. Он не знал, что это такое – экономить, брать в долг, на что-то откладывать. Он не знал, что это – заработать свои первые деньги, купить на них что-нибудь самое-самое, заветное. Он не понимал, что одежда и обувь может быть иной, не той, к которой он привык. У него не укладывалось в голове, что можно жить где-нибудь, кроме трехэтажного особняка с мраморными лестницами. Первый автомобиль – алый «Ferrari» – ему подарили на десятилетие. Деньги были для него чем-то вроде воздуха – пусть все любят рассуждать о плохой экологической ситуации, все равно воздух есть всегда. Первой девочке, которая ему понравилась (ему тогда было восемь лет, а ей – и того шесть), Давид подарил диадему с бриллиантами. Уже тогда у него была платиновая Visa с почти неограниченным лимитом – приставленные к нему охранники должны были только следить, чтобы он не купил оружие или наркотики (впрочем, уже в тринадцать лет он научился их обманывать). Когда Давиду было восемнадцать, отец открыл для него «La-La» – пора было покупать любимому сыну статус. Неожиданно он увлекся – впервые в жизни. Клуб стал знаменитым, и это была его единоличная заслуга.

Формально Давид Даев учился на экономическом факультете МГУ. На самом деле в университетских стенах его видели редко – слишком много времени отнимал клуб.

И девушки.

За двадцатилетнюю жизнь у него не было ни одной постоянной подружки. Не встрети-лась ему даже та, с которой он провел бы неделю, не погуливая налево. Девушки, девушки... Блондинки, брюнетки, темнокожие, русские, англичанки, шведки, на две головы выше него, дюймовочки, продажные, бесплатные, дорогие и не очень, редкие красавицы и так себе, прожженные и наивные, молоденькие и опытные, легкомысленные и с серьезными намерениями, из лучших семей и с рабочих окраин. Сам он называл себя girl-addict. Почему-то его

образ действовал на противоположный пол как безотказный афродизиак. Еще не родилась та, которую он не взялся бы соблазнить, и стопроцентный успех был ему гарантирован. А к серьезным отношениям, крепкой связи он и не стремился.

Успеется.

В конце концов, ему было всего двадцать лет, и его предопределенное будущее было простым и сладким, как сахарная вата.

Во всяком случае, так казалось самому Давиду Даеву.

* * *

А в приволжском городке Углич розовые рассветы и пахнет ванилью. По утрам на набережной особенно хорошо – продавцы матрешек, ушанок и часов с советской символикой еще не разложили свои палатки, иностранные туристы еще не осветили фотовспышками купола главной достопримечательности города – храма на крови царевича Дмитрия, басовито гудящие белоснежные трехпалубные корабли еще не причалили к заросшей сиренью пристани. И только похмельный дворник дядя Валера, по странному стечению обстоятельств похожий на голливудского актера Николаса Кейджа, со свойственным всем хроническим выпивохам меланхолией сметает брошенные кем-то фантики огромной косматой метлой.

Настя Прялкина с самого детства любила раннее утро. Золотые летние рассветы, до краев наполненные птичьим гомоном. И осенние серые, когда влажный асфальт хрустит едва заметной корочкой тончайшего льда. Зимние рассветы похожи на ночь – не отличишь. А весенние так остро пахнут свежей землей, что почему-то хочется закрыть глаза и плакать.

С трудом разлепить веки, ополоснуть лицо ледяной водой из ковшика, опрокинуть чашку сладкого обжигающего кофе и выйти в еще не проснувшийся город.

Парадокс: большую часть жизни Настя Прялкина прожила здесь, в Угличе, но все равно для местных она навсегда останется чужой. Ее называли фифой, выпендрежницей, понтырщицей, на асфальте возле ее дома писали: «Катись в свою Москву, а то хуже будет!» Одноклассники высмеивали ее «ма-асковский» акцент, у нее так и не появилось школьных подруг. Она чувствовала себя инопланетянкой, застрявшей между двух враждебных галактик.

Москва для Насти ассоциировалась с пропахшей борщами и домашним хлебом квартирой, бабушкиным голосом, громким и властным, застиранным байковым халатом, некогда темно-синим, с большими сочными розами и штопкой на кармашке. Халат Настя помнила отчетливо, бабушку – нет.словно в Настиной памяти бабушкино лицо кто-то ластиком стер. В Москве она тоже ходила в школу – первый класс и половину второго. Кажется, у нее были друзья во дворе, кажется, она, как и все остальные, вырезала из бумаги кукол, играла в вышибалы и коллекционировала конфетные фантики.

Зато Настя отчетливо помнила тот день, когда они переехали в Углич. Груженная «Газель» долго тряслась по проселочным дорогам, Настю укачивало, подташнивало, мама гладила ее по волосам и скармливала ей «Театральные» карамельки. «Газель» остановилась перед темным бревенчатым домом, слегка покосившимся на один бок, и мама сказала, что здесь они теперь будут жить. Насте дом сразу не понравился, от него исходила какая-то мрачная опасность. Перед домом был заросший крапивой палисадник, прогнившее крыльцо недовольно скрипело, в сенях пахло плесенью, окна были засижены мухами.

– А мы не можем вернуться? – с надеждой спросила Настя.

– Нет, – мама почему-то рассмеялась, а потом погладила ее по голове, – ты привыкнешь. Вот увидишь, здесь гораздо лучше, чем в Москве. Здесь я себя человеком чувствую.

Настина мама была художницей не от мира сего. У нее были длинные волосы цвета спелой пшеницы, маленькое бледное личико, на котором зияющими пропастями смотрелись

серьезные темные глаза. Она всегда выглядела гораздо моложе своих лет, хотя специально для этого не старалась. Она носила хламиды ручной работы, какие-то странные цветастые рубахи, широкие льняные юбки, военные штаны, берестяной ободок на лбу. На улице на нее показывали пальцем и еще долго смотрели ей вслед. Соседки называли ее блаженной и, сплетничая о ней, выразительно крутили пальцем у виска.

В Москве мама почти окончила архитектурный институт – с предпоследнего курса ее отчислили, поймав в туалете с косячком. Она не работала ни одного дня в своей жизни.

Настина мама рисовала кошек с человеческими мудрыми глазами. Рисовала штормовое море и белые корабли. Станных людей с прозрачными тонкими руками. Недобро усмехающихся ангелов с пошлыми кудряшками. Какие-то абстрактные цветные кляксы – смотришь на это месиво, и отчего-то на душе становится тревожно. Находились люди, которые считали ее гениальной. Дважды маме устраивали персональную выставку, о ней даже писали газеты, но широкой известности ей это не принесло. Однажды она отправилась в деревню к какой-то своей богемной подруге, и там, в покосившейся избушке на окраине глухого северного леса, на нее снизошло озарение. Она не ложилась спать трое суток – писала картины день и ночь. А вернувшись в город, решила, что отныне ей не место в Москве. Насте запомнилось, как орала на нее бабушка:

– Ты о ребенке подумай! Что она будет делать в глуши? Какое ее ждет будущее?!

– У ребенка будет парное молоко и свежий воздух. В глуши тоже есть школы, это только такие обыватели, как ты, считают, что жизнь заканчивается за пределами их квартиры, – спокойно отвечала мама.

– Не позволю! – заводилась бабушка. – Спрячу паспорт! Лягу на пороге!

В тот же год бабушка умерла – сердечная недостаточность. Мама продала квартиры – и роскошную, бабушкину, на Тверской, и крошечную, в Бутово, где они жили. Большую часть денег она пожертвовала на строительство какого-то храма. Так ей тогда казалось правильным. Упаковала вещи, наняла «Газель» и перевезла восьмилетнюю Настю в старенький бревенчатый дом на окраине приволжского городка Углич. Дом отремонтировали, палисадник привели в порядок, Настю записали в школу, мама завела коз и кур. Новая жизнь была размеренной и неторопливой. Постепенно Настя к ней привыкла. Привыкла – но полюбить так и не сумела.

Хотя темный дом перестал казаться неприветливым и страшным, она научилась справляться с вынужденным одиночеством и как-то незаметно для себя самой забыла Москву, старых подружек, бабушку. Наверное, этот провал в памяти был своеобразной защитной реакцией, прививкой от депрессии.

Настя работала поваром-кондитером в небольшой кафешке на набережной. С шестнадцати лет. Никакого специального образования у нее не было – просто с самого детства она обладала особенным даром, чутьем еды. Свой первый торт она испекла, когда ей было десять. А через год ее мать уже и не думала подходить к газовой плитке, переложив все кулинарные обязанности на Настю, а себе оставив лишь варку крепкого кофе, к которому она питала болезненную страсть.

В целом Настю ее жизнь вполне устраивала. Тихий город, на который словно наложили сонное заклятье, и теперь он окутан аурой засахаренной розовой дремы. Кастрюльки с тестом, которому ее ловкие руки могут придать любую причудливую форму. От мамы пахнет краской и растворителем, печь всегда гостеприимно тепла, в саду растет ежевика, намечается яблочный год, сын соседки опять напился и пытался зажать ее в темном уголке, а Настя отбивалась, смеясь, а потом запиралась в доме, а он беспомощно матерился под ее окном. Пароходные гудки, возбужденные иностранцы, которые после осмотра достопримечательностей непременно заглядывали в кафе, чтобы повысить свой уровень холестерина с помощью ее пирожных.

Но иногда так тоскливо ей становилось, так беспричинно грустно. Как будто бы приходил кто-то невидимый и выключал ее внутренний свет. Она выходила на набережную, долго смотрела на Волгу, опершись локтями на каменный парапет, и думала о том, что эта сонная будничность медленно зачеркивает отведенные ей дни. Она всегда, всю жизнь, будет спать в стареньком доме на печи, прятаться от соседкиного сына, печь пирожки и мечтательно смотреть на равнодушную реку. И никаких перспектив.

А ведь ей всего двадцать.

* * *

В VIP-зале ночного клуба «La-La» не было никого, кроме них двоих.

Давид склонил побледневшее под солярийным загаром лицо над жирной кокаиновой дорожкой. Зажав указательным пальцем правую ноздрю, левой втянул драгоценную едкую пыль. В носу защипало, заледенели десны, онемело горло. А через несколько минут по всему телу полноводной рекою разлилось приятное тепло, и усталость подобострастно уступила место беспричинному веселью. Давид усмехнулся в никуда, откинулся на спинку кресла, потянул, разминая, руки.

Напротив него, на низком плюшевом пуфе сидел бармен клуба «La-La» по имени Поль. У него было широкое лицо типичного жителя северной России, редкие светлые волосы, серые глаза чуть навывкате, и, судя по всему, был он никаким не Полем, а банальным Пашей. Но он с таким немым обожанием смотрел на Давида, и так истово напрашивался ему в друзья, и таким холопским мелким смехом хохотал над его даже неудачными шутками, и потратил, наверное, большую часть своей зарплаты, чтобы подарить ему кокаин, что Давид, сжалившись, решил ему подыграть.

А Паша-Поль весь извертелся, пытаясь его заинтересовать. Похоже, он искренне верил, что между ними может расцвести искренняя мужская дружба.

– Знаешь телочку из группы «Рок и Поп»? – заглядывая Давиду в глаза, спросил он.

– Беленькую или темненькую? – лениво уточнил Давид.

– Я с обеими знаком, – важно надул щеки Поль. – Когда-то в одном модельном агентстве работали.

Давид поперхнулся, но ничего не сказал. У Поля было прыщавое лицо, мелкие глазки и узкие змеиные губы. Представить его в роли модели было невозможно даже в кокаиновом угаре.

– Между прочим, они одно время у меня перекаптовывались. Пока еще были неизвестными. Они же немосквички. А я им пожить бесплатно предложил.

– Бесплатно? – приподнял бровь Давид.

– Вообще я рассчитывал на плату, – усмехнулся Поль, – но эти сучки меня продавали. А в конце концов вообще съехали без предупреждения. Прихожу – а их шмоток нет, и только на столе записка.

– Ну и зачем ты мне это рассказываешь?

– Затем, что мы до сих пор перезваниваемся. И они могут приехать по первому звонку, если я скажу... Ну, ты понимаешь... Что это для тебя.

– Ты правда можешь их пригласить? Прямо сейчас? – устало спросил Давид.

Девочки из группы «Рок и Поп» были очень даже ничего, их первый сингл стал хитом, а клип крутился в прайм-тайм по всем музыкальным каналам. Смешливая блондинка с озорно вздернутым носом и роскошным минетным ртом, похожая на омоложенную версию Памелы Андерсон. И знойная брюнетка с густой челкой и наглыми зелеными глазами, смуглая, плавная, с низким голосом и зовущим взглядом.

– Не вопрос, – лениво улыбнулся Поль, – я тоже не прочь поразвлечься. Но право выбора, конечно, за тобой. Ты будешь беленькую или черненькую?

Давид посмотрел на него внимательнее. Что за деревенщина. Как он сказал – поразвлечься? Как прилизанный второстепенный персонаж из бездарного гангстерского фильма. Патологическая глупость и непродуманная наглость в одном флаконе.

– Мне обеих, Паша, – невозмутимо улыбнулся он. – Я хочу обеих.

Брюнетку звали Лизой, блондинку – Танюшкой, и обе они приехали из Волгограда. Там и познакомились – обе были звездами местного модельного агентства. Блондинка Танюшка была на два года младше, но именно она впервые подала идею перебраться в Москву.

– Что нам здесь светит, сама подумай? Поучаствуем в очередном показе местного дарования? Получим двадцать баксов за рекламную акцию в супермаркете? В Москве – возможности, деньги, настоящая работа!

– Думаешь, там мало таких борзых? – Лиза глубоко затягивалась вишневой сигариллой, красивые ровные колечки ароматного дыма выплывали из полных накрашенных губ.

Лиза была такой эффектной, что дух захватывало. Ни дать ни взять итальянская кинозвезда – с осиной талией, но пышногрудая, с гладкой смуглой кожей, сквозь которую проступал нежный розовый румянец, с шелковой копной гладких, тяжелых волос, с кошачьим разрезом глаз и природной плавностью движений. Танечка ей немного завидовала. Ее собственная красота была, конечно, безусловной, но не такой эксклюзивной, как у подруги. Таких, как Танюшка, миллионы, на них, конечно, пускают слюни мужчины, с ними кокетничают, их с удовольствием зажимают по углам и приглашают на бокал шампанского, с ними спят, на них даже женятся, но... но они редко, очень редко становятся звездами. А больше всего на свете Танюшка мечтала стать звездой, тщеславие ее было беспредельным, как сама Вселенная. Едва увидев Лизу в офисе модельного агентства, она почему-то сразу решила, что надо держаться этой меланхоличной красавицы. Ее яркая внешность вкупе со спокойным характером и патологическим отсутствием амбиций могли бы стать Таниным пропуском в VIP-мир.

– Да, там много хорошеньких девушек, но мы-то с тобой, мы-то ничем не хуже! – горячо убеждала Танечка. – А значит, у нас точно такой же шанс.

– Хорошо, допустим, мы приедем. И где мы будем жить? И главное – на что? В Москве получить работу модели гораздо сложнее, чем здесь.

– Положись на меня, – заговорщицки подмигнула Танюшка, – я уверена, не пройдет и одного дня, как мы найдем какого-нибудь безобидного лоха, который и поселит нас к себе, и денег даст.

Танечка оказалась права. В первый же московский вечер, в первом же баре они познакомились с трогательно прыщавым щуплым типом в пестрой футболке Москино, который называл себя Полем. Он выглядел и вел себя как классический девственник: краснел, потел, с трудом подбирал слова, пытался шутить, срывался на фальцет. Казалось, он не мог поверить своему счастью – им заинтересовались две такие девушки! Его ищущий взгляд останавливался то на блестящих Танюшиных губах, то на пышном Лизином бюсте. Естественно, когда Таня ненароком обмолвилась, что они еще не забронировали гостиницу, Поль пригласил их к себе. Он жил в пропахшей быстросрастворимой лапшой и грязными носками однушке на самой окраине города.

– Какой ужас, – едва слышно шепнула Лиза. – Мы не можем здесь жить.

– Это ненадолго, – так же тихо ответила Танюшка. – Мы уберемся отсюда при первой же возможности. А сейчас у нас нет выбора.

Они прожили у прыщавого Поля полтора месяца, и все это время Танечка умело держала его на минимально возможном расстоянии, а он искренне верил, что хорошенькая блон-

диночка и невероятно красивая брюнетка желают его так же сильно, как и он их, но обстоятельства, черт бы их побрал...

Тем временем девушки зря времени не теряли. Хрупкая Таня, как бульдозер, шла на таран. Обзвонила все кастинг-центры, умудрилась организовать встречи со всеми более-менее заметными продюсерами. Видимо, в ней погиб великий менеджер, потому что своего она все-таки добилась.

Ровно через полтора месяца их московской жизни на свет появилась новая девичья группа «Рок и Поп». Их первый клип всюду крутился на музыкальных каналах, иногда их приглашали участвовать в сборных концертах, но до настоящей популярности было ох как далеко.

Телефонный звонок Поля застал ее в ванной. Танюша принимала «ванну Афродиты» – это когда капризная красавица растворяет в хлорированной водичке несколько пакетов сухого молока и верит, что эта нехитрая процедура приблизит ее красоты к каноническим стандартам. На прикрытых Танечкиных веках лежали прохладные огуречные дольки, кожу ее покрывал толстый слой темно-бурой массы, которая, несмотря на исходивший от нее отвратительный аромат рыбного рынка, стоила двести долларов за крошечную баночку.

Танюша любила ухаживать за собой. Никто не догадывался, что ей уже двадцать восемь лет – для ее профессии практически старость. Белокурая, смешливая, ясноглазая и белозубая, она выглядела как невинная и неопытная первокурсница.

– Дело есть, – услышала она голос давнего знакомого. – Можешь срочно приехать в «La-La»? Вместе с Лизкой?

– Я занята, – лениво протянула она. – А Лизка на уроке вокала. Голос шлифует. Как будто бы в опере петь собирается. А нам все равно без фанеры петь никогда не дадут.

– И правильно сделают, – рассмеялся Польш, вспомнив, как противно Танечка подвывала на верхних нотах. – Здесь один человек хочет с тобой познакомиться.

Она задумчиво помолчала. За несколько лет выживания на задворках московского шоу-бизнеса она усвоила способ, которым девица вроде нее легко может заработать на новые сапоги. В рейтинге столичной красоты не последнее место занимала смазливая девчонка, чьи песни скачивают на свои мобильники малолетки. Пока ты не звезда, много зарабатывать пением не представляется возможным. Продюсер ворчал, что пока от них одни расходы. Хорошо еще, что одеждой обеспечивал, оплатил абонемент в салон красоты и каждый месяц выдавал немного наличных. Принципиальная Лиза еще как-то умудрялась сводить концы с концами, но у Танюши были запросы выше и характер авантюрнее. «Это не проституция», – говорила она себе самой. Все этим занимаются – в той или иной форме. Это даже считается в некотором роде престижным. А ее клиенты боятся огласки еще больше, чем она сама, так что разоблачение ей не грозит. Ну а даже если кто-нибудь узнал бы – это добавит в ее образ перчинку порока. Скандал поднимет ее гонорарную ставку и из периферийной звездочки сделает ее той-о-которой-сплетничают-в-метро.

– Что за человек?.. Я вообще ванну принимаю.

– Тебе понравится, – с усмешкой пообещал Польш. – Так что ноги в руки, крась ресницы, лови тачку и дуй сюда.

– Вообще-то деньги мне сейчас не мешают... Собиралась смотаться в Грецию за шубкой. А сколько он предлагает?

Обычно Танюше платили от пятисот до тысячи евро за один визит.

– Деньги? – расхохотался Польш. – Кто тебе сказал, что он вообще собирается тебе заплатить? Скажи спасибо, что с тебя денег за это знакомство не возьмут. А то многие были бы рады раскошелиться.

От такой наглости она на минуту онемела.

– Тань, это Даев, – понизив голос, сообщил Поль.
– Кто? – не поверила она.
– Давид Даев.
– Ты там грибов объелся, что ли? С какой стати Давиду Даеву покупать себе поп-звезд?
– Ты не расслышала? Он никого не покупает. Он зовет тебя в гости... Ты же сама говорила, что он тебе нравится? Неужели не хочешь посмотреть на него поближе?... Кстати, он сказал, что ты гораздо красивее Лизы.
– Да?
– Так ты приедешь?
– Ну не знаю... Как-то это все неожиданно.
– Ну и черт с тобой. Тогда я позвоню Катьке из «Белых медведиц».
– Этой овце? – презрительно усмехнулась Танюша. – То-то она обрадуется. У нее же прыщи на спине и брекеты... Ладно, ждите. Только мне надо волосы высушить.... А ты меня точно не разыгрываешь?

– Приезжай как есть, не надо ничего сушить. Ты не будешь разочарована.

Вот такое гипнотическое действие оказывал Давид Даев на всех женщин без исключения. Большинство из них готовы были идти на звук его имени, как крысы за трелью волшебной дудочки.

На звук его имени – а что уж говорить о тех случаях, когда на периферии их зрения появлялся он сам?

* * *

Иногда Насте Прялкиной казалось, что жизнь ее катится под откос, как снежная лавина. Унылая схема ее бытия – «дом – работа – дом» – не хотела уживаться с темпераментом двадцатилетней здоровой девушки, заточенной в невидимую тюрьму обстоятельств.

В наследство ей достался спокойный тихий нрав, она была склонна скорее смириться, чем бушевать и бунтовать.

Работа успокаивала. Свою работу Настя любила. У нее был природный кулинарный талант, ей не надо было соблюдать строгие схемы, обращаться к справочникам, выверять ингредиенты. Процесс приготовления пирожных в ее исполнении выглядел как алхимическое таинство. Точно ведьма, она порхала над сковородками и кастрюлями, добавляла на глазок то меду, то лимонного сока, плавила сахар, ловкими выверенными движениями взбивала яичные желтки. Ее блинчики были тонкими, как сложносочиненное кружево, а безе – воздушными и таяли во рту. Люди толпились в очереди за ее фирменными медовыми пирожными. Однажды хлебнувший виски британский турист заплатил ей сто долларов за торт. Настя отказывалась, уверяла, что стоит ее стряпня куда дешевле, сто двадцать рублей, бежала за ним, пыталась запихнуть банкноту в его карман. На них смотрели люди, Насте было неловко, она знала, что завтра инцидент будет обсуждать весь город, и в извращенной интерпретации местных кумушек она, вечный козел отпущения, будет выглядеть не в лучшем свете. Но англичанин и слушать ничего не пожелал.

– Девушка, вы просто не представляете, как талантливы, – он нарочно говорил медленно, чтобы Настя понимала. – Если бы вы жили в Лондоне, то легко могли бы устроиться в пятизвездочный ресторан. Кстати, если надумаете, можете мне позвонить, я вам помогу. Просто возмутительно, что такой талант пропадает в глуши, – он сунул в ее вспотевшую от волнения ладошку плотный прямоугольник визитной карточки и быстро зашагал прочь, к одному из белоснежных теплоходов.

Настя работала четыре дня в неделю. Она бы с радостью согласилась и каждый день выходить, но второе место кондитера уже много лет занимала склочная женщина, психика

которой была изъедена безрадостной бедностью и давно взбунтовавшейся щитовидкой. Она состояла в каких-то отдаленных родственных связях с владельцем кафе. Ее ни за что бы не уволили. Да и характер у Насти был не тот, чтобы кого-то подсиживать.

Никто не знал, что три бесконечно долгих выходных дня – ее личный ад в миниатюре.

Вот уже лет пять прошло с того дня, когда в руках Настиной мамы впервые оказалась запотевшая от холода бутылка дешевой водки. Сначала она пила потихонечку, «для настроя». Не больше двух крошечных рюмочек в день, после обеда, чтобы радостнее работалось. Настя, в то время еще подросток, не понимала, что происходит и к чему все это может привести. Кажется, ей даже нравилось, что опрокинувшая пятьдесят граммов мама становилась веселой, доброй и как будто бы снова молодой. У нее раздумывались щеки, красиво блестели глаза, она смеялась, шутила, тормозила Настю, принималась мечтать о том, как они вместе уедут куда-нибудь в Индию, где пахнет морем и тмином, и она, мама, будет рисовать розовое небо и лазоревых слонов, а Настя... Ну и для Насти какое-нибудь дело найдется.

А потом как-то само собою получилось так, что привезенные из Москвы крошечные хрустальные рюмочки перекочевали в старый сундук, а их место заняли более практичные граненые стаканы. Бутылки маме хватало на два дня. Выпивая, она больше не шутила и не мечтала. Она полюбила одиночество и, если Настя пыталась ее расшевелить, огрызалась, раздраженно и зло.

Она распродала все остатки прошлой сытой жизни: хрусталь, столовое серебро, бабушкины золотые украшения, даже плюшевый плед, который в лучшие годы укрывал диван в гостиной, а в худшие – в скомканном виде валялся за печкой. Все это она с остервенением обменивала на самогон или водку.

Напиваясь, она тихо сидела в углу за печкой, где была обустроена ее импровизированная мастерская. Она могла часами смотреть на пустой холст, с сухой кистью в руках. Иногда мама начинала раскачиваться взад-вперед, взгляд ее был устремлен в одну точку, потрескавшиеся бледные губы бормотали что-то бессвязное, экспрессивное, похожее на странную молитву собственного сочинения. В такие минуты Насте становилось страшно. Она подходила к маме, трясла ее за плечо, пыталась напоить сладким чаем, но в ответ слышала лишь тихое: «Отстань!»

В глубине души Настя понимала, что долго так продолжаться не может. Она не выдержит, завянет, зачахнет, и самое обидное, что никто даже не заметит ее отсутствия, кроме, может быть, парочки фанатичных почитателей ее медовых тортиков. Такая жизнь не для нее. Мама сделала свой жуткий выбор и пытается утянуть ее, Настю, за собою на дно.

Надо что-то делать, что-то делать.

А то будет совсем поздно...

Настя решила съездить на один день в Москву.

* * *

Давид Даев надумал устроить конкурс красоты. Не широко разрекламированное действо общероссийского масштаба, а некое камерное мероприятие, дорого и со вкусом обставленное, о котором напишут избранные представители глянца. В последнее время конкурсы красоты вошли в моду – их не проводил только ленивый. Поводом можно было считать тщеславное мужское желание «если трахать, так королев».

Давид снял двухсотметровый офис в Камергерском переулке, нанял персонал: трех личных ассистентов, двух кастинг-менеджеров, одного из самых прославленных фотографов России, хореографа и визажистку. При таком раскладе для него самого осталась только одна обязанность – закинув ноги на обтянутый крокодиловой кожей письменный стол, прихлебывать ледяной «Гиннесс» и лениво наблюдать за пришедшими на кастинг девушками.

Как ни странно, их было много – не меньше полутора сотен. Просто поразительно, насколько велико желание женщины увидеть на обложке какого-нибудь глянца свою победно улыбающуюся рожу с подписью «Мисс Чего-нибудь там». И почему всех девиц, рост которых превышает метр семьдесят, ключицы и бедренные косточки которых воинственно торчат вперед, так тянет в модельный бизнес? Медом им там намазано? Все знают, что в modeling – не только лоск и шпильки от Джимми Чу, там еще и грязь, завуалированная проституция, мальчишники на Рублевке... Но нет – все равно каждая из них, представляясь, мечтает прибавлять к своему имени ласкающее слух слово «модель».

Большинство из этих девушек, конечно, негодились. Непонятно, на что они вообще рассчитывали. Может быть, у них проблемы со зрением, мешающие разглядеть лишний жир, иксообразные ноги, по-змеиному тонкие губы, ярмарочно полыхающие воспаленные прыщи?

– Это просто цирк какой-то! – совершенно не стеснясь присутствия «моделей», сказал Давиду один из его лучших друзей по имени Артем. – Спасибо, что пригласил меня, старик. Я и не думал, что у тебя такое шоу.

– Самые фрики были утром, – хохотнул Давид. – Одна мне особенно запомнилась. Я попросил ее снять трусы, даже не догадаешься зачем.

– Боюсь предположить, – давился от смеха Артем.

– Потому что поспорил со своим ассистентом, что это переодетый мужик! Клянусь, что я видел под ее тональным кремом пробивающуюся щетину!

– Кошмар... Ну а нормальные-то были?

– А то. Мы отобрали восемь девчонок. Надо еще хотя бы человек пятнадцать, для масштаба. Пусть они будут не такими ослепительными, лишь бы у них не было целлюлита. Знаешь, Тем, что целлюлит сейчас есть даже у пятнадцатилетних?

– Наверное, их с рождения кормят гамбургерами.

– Но есть и хорошие новости: я отобрал парочку лично для себя. С одной договорился встретиться завтра. А другая ждет в приемной.

– Ты неисправим. Есть ли в этом городе девочка, которую ты еще не оприходовал?

– Среди красавиц от восемнадцати до тридцати – сомневаюсь, – самодовольно улыбнулся Давид. – Папа говорит, что это у меня наследственное... Кстати, можешь тоже кого-нибудь выбрать, – он хозяйским жестом указал на группку девушек, ожидающих вердикта. – По-моему, вон та брюнетка в красном ничего.

– Брюнетка в красном – это уже звучит пошло. Посмотри на ее нос.

– Да ты гурман. Зато посмотри на ее зад. Торчит, как у негритянки.

– Может, у нее там силиконовые подушечки. Одна моя бывшая вставила силикон в зад. Выглядит впечатляюще, и я ни за что не догадался бы... Но, когда она мне сказала, я понял, что больше с ней не смогу. Щупал ее зад, и мне все время мерещилось, что он может лопнуть. Поэтому и слил ее.

– Так что, берешь? – Давид нетерпеливо посмотрел на часы. – Она лучшая из того, что осталось.

– Ладно, что с тобой поделать. – Поморщившись, Тема выбрался из глубокого кожаного кресла и ленивой походкой приблизился к брюнетке, которая приободрилась, выпятила бюст и растянула сочные губы в самой очаровательной улыбке, на которую она только была способна.

Звали ее Аней, и она уверенно соврала, что ей всего восемнадцать, хотя «гусиные лапки» под ее тщательно накрашенными глазами, и слегка оплывший подбородок, и тонкая линия на лбу свидетельствовали о том, что девица успела разменять четвертый десяток. Артему нравились девушки помладше. К тридцати годам женщины часто теряют способность любить без оглядки, слепо следовать внезапным желаниям, благодарно потакать

гормональным бурям. Зато приобретают навык филигранной расстановки сетей, в которые попасть проще простого. Она еще пахнет твоей спермой, а на ее экспресс-тесте на беременность уже проявились две четкие полосы. Молодые девчонки – дичь, женщины постарше – охотницы. В их безупречно мелированных головках уже тикает слышимый только им будильник, они часто плачут по утрам, а хлебнув текилы, начинают рассуждать о прогрессирующем мужском козлизме.

Роман с тридцатилетней женщиной? Ни за что. Секс с тридцатилетней женщиной? Что ж, вполне может быть, тем более если под рукой нет никого другого.

Аня уже все поняла и всю раздавала авансы – кончик ее розового языка облизывал пухлую нижнюю губку, зеленые глаза блестели, смуглые от солярийного загара щеки радостно размялись. Она с радостью согласилась на совместный ужин, и весь ее вид говорил: дорогой, я понимаю, что «ужин» – это всего лишь пароль, намекающий на высшую степень сближения.

– Артем, а он, – она прицельно метнула взгляд в сторону Давида, – тоже пойдет с нами?

Артем постарался не выдать раздражения. И что все эти куколки находят в его эгоистичном, порочном, раздающем пустые обещания, избалованном, ни с кем не считающемся друге? Можно было бы найти утешение в пресловутом финансовом подтексте: Давид – сын одного из самых богатых людей России, он – воплощение роскоши и лоска. И как у него получается – даже в простых джинсах (впрочем, самые «простенькие» из его джинсов стоили три с половиной тысячи долларов), даже с влажными после душа волосами, босиком, с жестоким похмельем, он выглядел как миллионер. Смотришь на него – и почему-то понимаешь: перед тобой миллионер. Может быть, дело в особой посадке головы, во взгляде, в походке, в ауре, черт бы ее побрал?.. Но нет – дело не в этом, не в его деньгах, одежде, автомобилях, даже не в его известном всем читателям светской хроники лице. Просто он умел правильно обращаться с женщинами. Умел так посмотреть на девчонку, что уже через десять минут она была бы готова отдать ему свою почку, если потребуется. Он играл на их нервах, как музыкант-виртуоз. Умел так дотронуться до ее предплечья кончиками пальцев, что колкие мурашки начинали танцевать на ее коже. Артем был знаком с Давидом почти десять лет, с самого детства. Он знал не понаслышке: в разное время двенадцать (!) женщин пытались покончить с собою из-за Давида. Один из этих истерико-романтических порывов принадлежал сорокалетней учительнице физики, с которой у Давида, в то время десятиклассника, случилась трехдневная связь. Самое обидное – Давид даже имени ее не помнил, у него была короткая память на женщин. Потрясающая буддистская способность жить настоящим моментом! Не какая-нибудь пылкая девственница, не пациентка клиники неврозов, а сорокалетняя красивая женщина, интеллигентная, умная, профессиональный педагог, хладнокровно влезла в петлю, пожелав, чтобы лаконичная страсть Давида стала последним впечатлением ее жизни. А этот сукин сын никогда, ни одного раза об этом не вспомнил!

– Так он идет?

– Конечно, – улыбнулся Артем. – Только знаешь что, Анечка? Советую сразу зарубить на носу, с ним у тебя нет никаких шансов. Если хочешь пойти с нами, придется довольствоваться мной.

Ее улыбка погасла, но только на одну секунду.

– Эй, я ничего не имела в виду.

– Вот и хорошо.

Настроение Артема испортилось еще больше, когда он увидел девушку, которую оставил за собою Давид. Все это время она покорно ждала в прихожей. Третий час пила одну и ту же чашку давно остывшего перезаваренного чая, которую соизволила предложить ей секретарша. Как и все особи женского пола, оказавшиеся на периферии жизни Давида Даева, сек-

ретарша втайне лелеяла известные одной ей смутные надежды, следствием которых стала ее интуитивная нелюбовь ко всем самкам, более породистым, чем она сама.

Девушка была совсем не похожа на Аню, вернее – была ее полной противоположностью. Совсем юная блондинка с огромными и как будто бы немного испуганными серыми глазами. Худенькая, бледная, серьезная. Давид присел рядом с ней и хозяйским жестом водрузил руку на ее хрупкое плечо. Почему-то Артему казалось, что подобная бесцеремонность должна была ее возмутить, но нет – девушка просияла.

– Я столько ждала!

– Настоящая женщина должна уметь ждать, Лерочка, – кончиком указательного пальца Давид надавил на ее нос. – Ну что, едем?

К черту ресторан, решил по дороге Давид. Московские рестораны – это своеобразные музеи, в которых экспонатом выступаешь ты сам. Каждый демонстрирует то, чем особенно гордится, – будь это обтянутый джинсами аппетитно торчащий зад, или длинные волосы, поверить в естественное происхождение которых практически невозможно, или новые зубы от лучшего дантиста города, или просто часы, которые стоят больше внедорожника «Лексуса», платье, в котором еще вчера выходила на миланский подиум Наталья Водянова, серьги с пятикаратниками, новую подружку, похожую на Валерию Мацца, да мало ли что.

Никто никого в открытую не разглядывает, все фигуранты этого странного действия в совершенстве овладели искусством отмечать детали боковым зрением. Большинство присутствующих отлично знают друг друга, в Москве не больше полутора сотен убежденных тусовщиков, однако нельзя в простодушной деревенской манере подойти и запросто перекинуться парой фраз. Субординация здесь жестче, чем в армии.

– Куда поедем? – лениво спросила Аня, освоившаяся в расслабленных объятиях Артема. – Может быть, в Палаццо? Там отличные десерты.

– На твоём месте я бы исследовал рестораны, где отличные салатики, – усмехнулся Давид, уцепив ее за складочку на талии.

Аня возмущенно скинула его руку, однако на лице ее продолжала цвести соблазняющая улыбка, и – Давид знал это наверняка – если бы ему пришло в голову с такой же хамоватой ленцой предложить ей сбросить руку Артема со своего приятно покатоного плеча и пересесть к нему на колени, она сделала бы это без единого сомнения.

– Я передумал. – Давид зевнул. – Мы едем ко мне, на Сухаревскую. Я там недавно купил квартиру, там даже нет моих вещей. Заодно покажу вам дизайн от Пола Роберта.

– А ужин? – разочарованно спросил Артем. – Я целый день на «Ред Булле» и фисташках.

– Ужин закажем на дом. В этом же доме в подвальном этаже есть неплохой рыбный ресторан.

– Обожаю икру, – со знающим видом вставила Аня, которая бездарной своей игрой в искусственную светскую львицу начинала раздражать обоих молодых людей.

– Пойдите, но, может быть, мы все-таки... Я не думаю, что пойти к вам в гости – хорошая идея, – встрепенулась Лерочка, которая до того момента не проронила ни звука, рассеянно смотрела в окно и вообще вела себя так, словно происходящее не имеет к ней никакого отношения.

– Поверь мне, это хорошая идея, – устало заметил Давид. – Тебе будет интересно. Ты никогда не была в таких квартирах, как моя. Там семь комнат, стены из натурального камня, акустика лучше, чем в клубе, и даже шест для стриптиза есть.

– Шест? – хохотнула Аня. – А знаете, я ведь работала стриптизеркой. Давно, в юности.

– Ты же говорила, что тебе восемнадцать, – поддел ее Артем. – Неужели ты из тех ранних ягодок, которые врут, что им пятнадцать, а сами ходят в пятый класс?

– Не придирайся. Я же видела, что ты мне не поверил. Восемнадцать – информация для конкурса. Но вы ведь меня не берете? Так?

– С чего ты взяла?

– А то я совсем дура. Мне даже анкету заполнить не дали. Но я не в обиде. Я ни на что и не рассчитывала.

– Вот и умница, – Артем лизнул ее шею.

Рука Давида поплыла вверх по Лерочкиному стройному бедру. Но, когда он попытался ее поцеловать, девчонка отвернулась к окну.

– Что такое?

– Не надо... Остановите, пожалуйста, машину, – скомандовала она водителю, – Давид, ты меня извини... Но я так правда не могу.

Водитель притормозил, обернулся и вопросительно на него посмотрел.

– Так – это как? – начал злиться Давид.

– Вот так сразу в какие-то гости ехать... И вообще я устала, не ела весь день, перенервничала. Я домой хочу.

Давид и Артем переглянулись. Шутит она, что ли? Не понимает, какой ей выпал счастливый билет? Что половина модельного агентства «Point» отдала бы свои акриловые ногти, чтобы оказаться на ее месте?

– И вообще... Я вас обманула, – она была готова расплакаться. Автомобиль все еще медленно ехал вдоль обочины, двери были заблокированы, водитель ждал команду Давида, и девчонка понимала, что без команды этой ей отсюда не уйти. – Мне четырнадцать.

– Что? – воскликнули они хором.

– Это так, – нервно порывшись в сумочке, она выхватила свидетельство о рождении. – Вот. Я еще даже паспорт получить не успела.

– Но в объявлении было ясно сказано, что мы набираем девушек от восемнадцати лет.

– Мне всегда больше дают, – вымученно улыбнулась она. – Я подумала, а вдруг проскочу... Денег заработать хотела. Мне нужно на репетитора, я на филфак поступать хочу, – крупная слеза покатилась по ее щеке.

– Тормози, – приказал Давид водителю. И, не глядя на Леру, сквозь зубы, бросил: – Выметайся.

– Вы уж простите, что так получилось, я не хотела никого обманывать, не думала, что так будет, мы же собирались где-нибудь поужинать, – быстро-быстро заговорила она.

– Выметайся! – гаркнул Давид, и Лерочку как ветром сдуло.

Аня басовито расхохоталась. Давид посмотрел на ее крупные желтоватые зубы, на тоненькие морщинки на ее запудренной шее, на желтое никотиновое пятнышко на ее пальце, и внезапно его затошнило. Зачем они взяли с собою эту безумную бабу, пошлую, вульгарную, продажную, которая выглядит так, что хочется ее немедленно продезинфицировать?

– И ты тоже.

– Что? – возмутился Артем, воображение которого было уже распалено податливой женской близостью.

– Пусть она тоже уходит. Нельзя опускаться до такого уровня... Ну что ты смотришь на меня, выметайся!

– Не очень-то и хотелось, уроды, – пробормотала она перед тем, как пулей выскочить из машины.

Давид захлопнул за ней дверь.

– Все настроение испортили.

– И что мы теперь будем делать? – насупился Артем.

– То же, что и собирались, – усмехнулся Давид. – Незаменимых в этом городе нет.

* * *

Пускай ее нельзя было назвать самой счастливой девушкой на свете, но этот день, единственный волшебный день, принадлежал только ей, Насте Прялкиной. Ее поезд прибыл на Ярославский вокзал в девять тридцать утра. Настя обтерла тело влажными салфетками, прямо в купе надела платье и туфли, а спортивный костюм небрежно запихнула в свою объемную кожаную торбу.

На вокзале она поменяла доллары. Настю трясло от предвкушения чуда, ее настроение зашкаливало, сердце колотилось, как перед прыжком с вышки, на щеках расцвел взволнованный румянец. Ей все казалось, что внутри нее поселился жизнерадостный невидимый незнакомец, который, подмигивая всем подряд, еле слышно напевает французский шансон. Она казалась себе богатой и свободной. В ее распоряжении было целых двенадцать часов – двенадцать часов концентрированного счастья. Плюс такая сумма денег, которую она в иное время не могла истратить и за месяц.

Первым делом она позавтракала в кафе. Выбрала симпатичное заведение с летней верандой и клетчатыми скатерками. Листая меню, она чувствовала себя немного скованной – ох, ну и цены же в этой Москве! Одна чашечка кофе стоит сто рублей, можно подумать, что они золотом кофейные зернышки опыляют! Настя решила не жадничать, заказала кофе, апельсиновый сок, блинчики с черникой. Блинчики разочаровали – сама она приготовила бы в миллион раз вкуснее.

Не доев, она покинула кафе. Ее ждала Москва – незнакомый, пахнущий бензином и адреналином город! Она бродила по улицам как опьяненная. Она точно не знала, что ей делать, куда пойти.

В одном из магазинов на Тверской она купила красивое нижнее белье. Зачем ей понадобилось белье, она и сама не знала. У Насти не было ни одежды, которая была бы достойна скрывать под собою это кружевное великолепие, ни любовника, который смог бы оценить, как красиво оно сидит на ее крепко сбитом теле. Но она просто не смогла удержаться – кружево было таким нежным, так ласкало пальцы, словно принадлежало другому миру, миру, в который таким, как Настя Прялкина, путь заказан.

Настя Прялкина находилась как раз в том возрасте, когда истово жаждут любви, когда влюбиться можно из-за случайно пойманного взгляда, неосторожного прикосновения, из-за того, что стекла очков трогательно увеличивают его глаза, а бородка клинышком придает его лицу модный оттенок мачизма. Врожденные мечтательность и рассеянность сочетались в ней с четким осознанием отсутствия объекта – ей не на кого, решительно не на кого было направить этот с каждым днем крепнущий луч.

Пару лет назад она компенсировала одиночество воображаемыми романами, которые продумывала в мельчайших подробностях. Как правило, в роли второй половины оказывались Леонардо Ди Каприо (не сладкий ангел из Титаника, а повзрослевший Лео, с морщинами у глаз и хмурой тенью между бровей, но сохранивший юную ясность взгляда), или Эдвард Нортон, или – редко, но куда уж без него – Джордж Клуни. Но иногда их место занимал некий воображаемый брUNET – она никогда не могла представить его лицо во всех подробностях, но знала точно, что у него тонкие усики, ямочки на щеках (не имеющие ничего общего с женоподобностью и инфантильностью и никак не противоречащие его самцово-й природе) и татуированный орнамент на мускулистом плече. Эзотерик сказал бы, что Настя одолеваема инкубами – пелена придуманной любви мешала ей увидеть реальную жизнь во всех красках. Иногда она словно спала на ходу: гуляя по набережной, она видела перед собою не спокойную темную Волгу, не бугристый, в трещинках асфальт, а совсем другой город – чистый, светлый и шумный, и себя, точно так же бредущую по незнакомой улице

и вдруг спотыкающуюся о *ЕГО* пристальный взгляд. Дальше – самое интересное: придумать его первую фразу и свою реакцию. Первое свидание. Некие препятствия – какой воображаемый роман без пенелопокрузистой соперницы, которая останется ни с чем. И секс – про секс Настя думала, лежа на своей тесной кровати, запустив руки под пропахшее дымом одеяло, под ветхую, еще матери принадлежавшую ночнушку.

Настя выросла, и реальные гормональные цунами войной шли на придуманную установленность. Лео мог бы стать приятным дополнением к настоящему роману, но никак не его заменителем.

Насте Прялкиной до дрожи в коленках хотелось любви.

Спонтанному чувству, о котором она мечтала столько лет, взяться было неоткуда – в их городе было мало чужаков, всех потенциальных топ атоиг она знала с детства, и все они, мягко говоря, до ее воображаемых идеалов не дотягивали. Что же это получается – после пахнущих мускусом и морем объятий Клуни снизойти до прыщеватого Ванька, главное мужское достоинство которого – стрекочущий мопед, роковая скорбь – фурункул на правой ягодице, а заветные мечты – как следует бухнуть на майских и при этом не заблевать весь дом?!

Настя наблюдала за подругами. Они считали себя – счастливыми женщинами, а ее – чудачкой не от мира сего.

Одна из них – самая, по общепринятым меркам, счастливица – встречалась с сорокалетним Азатом, хозяином единственного в городе ювелирного магазина. Иногда он запускал руку в карман синтетических костюмных брюк и доставал очередную побрякушку – золотой якорек с крошечным сапфиром, колечко, цепочку, старомодные серьги-листки. Ценников Азат никогда не срезал – пусть девушка видит, что все чин чинарем. Подруга носила все его подарки сразу и выглядела как арабская женщина, которая боится, что торжественно произнесенное «Талак! Талак! Талак!» оставит ее без крыши над головой.

А у другой подружки драма в духе независимого европейского кино – шведская семья. Она, он и еще одна она, однажды в новогоднюю ночь прибившаяся к ним, веселым, готовым на пьяные эксперименты, обманчиво свободным. Сначала Настина подружка с удовольствием играла в этот непогрешимый триумвират и даже с пеной у рта пыталась убедить всех вокруг, что трое – это гораздо лучше, чем двое, что ей теперь никогда не бывает одиноко и скучно, что каждую ночь ей дарят ласку четыре любящие руки. Потом начались социальные разборки. Ревность, мать ее. Конкуренция. Бытовуха – кто не вымыл за собой посуду, почему одна должна быть только гейшей, а другая – еще и поломойкой, на чьи деньги купить новый комод. Пару раз Настина подружка подралась с той, которую в шутку называла своей женой (Да! Она так и говорила – у меня, мол, есть и муж, и жена). Они отказывались ложиться друг с другом в постель, и sprysнутое ядом самосознание их общего провозглашенного божка цвело, как буйный куст жасмина. Он спал с ними по очереди, секс был чем-то вроде поощрения, призового кубка для одной или наказания для другой, чем-то провинившейся. Потом и этот период остался позади. Они привыкли друг к другу, смирились, даже пытались искренне друг друга полюбить. Весь этот спектакль абсурда длился ни много ни мало – три с половиной года.

Третья подружка – классическая семейная клуша, выскочила замуж за свою первую любовь, в пятнадцать лет, по беременности. Сейчас ей двадцать четыре, у нее четверо сыновей, пахнущий тестом и мочой деревянный дом и хроническая депрессия. «Иногда мне хочется – говорила она, – отмотать время назад, лет этак на семь-восемь. стыдно, но я часто представляю, как я, еще совсем девчонка, хорошенькая, худенькая, с жуткими голубыми тенями – девки, помните, какие у меня были тени?! – выхожу на набережную и отдаюсь первому попавшемуся америкосу. Он в меня влюбляется и увозит подальше отсюда, туда, где я смогу делать, что хочу, причем на чужие деньги. Это в лучшем случае. А в худшем – я остаюсь у нас, в Угличе, и становлюсь валютной путаной. Роскошной путаной, которую все

побаиваются, немного – завидуют, немного – презируют... Наверное, я плохая мать, да?» И просительно заглядывает в глаза.

Настя наблюдала за подругами и понимала, что не нужна ей ни оплаченная золотыми браслетами и подкормленная виагрой страсть, ни богемные разборки, ни утомительное семейное счастье. Нужно что-то совсем другое.

Настоящее.

* * *

– Фригидная сука! – злился Давид. – Маленькая, тупая, никчемная, фригидная сука!

– Ты совершенно прав, – подхватил Артем. – Она вообще не въехала, с кем имеет дело.

Они пили коньяк «Людовик 13» на заднем сиденье принадлежащего Давиду белоснежного «БМВ» седьмой модели. Управляемый водителем автомобиль медленно плыл по вечернему бульварному кольцу.

– Четырнадцать лет, – Давид презрительно сплюнул под ноги, его не волновало, что пол автомобиля устилали коврики из крашеного меха норки.

Он никогда, с самого детства не заботился о бытовых мелочах. Продукты сами собою появлялись в его холодильнике, вещи как по мановению волшебной палочки улетали в элитную химчистку и через пару дней возвращались свежими, как будто новенькими. Приглашения на лучшие вечеринки города оказывались на стеклянном столике его гостиной. Пять его автомобилей всегда блестели, невзирая на метеорологические условия. Он словно находился в капсуле, защищающей его нежную психику от раздражителей внешнего мира.

– Надо было отобрать у нее документы. Неужели она думает, что это вот так запросто сойдет ей с рук?

– Да ладно, не кипятись, – примирительно усмехнулся Артем. – В этом городе полно девок, которые сожрут свои трусы за право побыть с тобой хоть часок.

– Это точно, – усмехнулся Давид. – Слушай, у меня появилась отличная идея! Давай снимем девчонку и завалимся к моим. Папаша слинял с какой-то телкой на Багамы, мамочка перекраивает рожу в Швейцарии, в доме никого нет! Чего-то на природу хочется, Москва достала.

– Отлично, – Артем, как всегда, поддержал его инициативу. – Куда поедem за девчонками? В «Дягилев»?

– Там сложно найти ту, которую я еще не пробовал, – скривился Давид. – А что если поднять кого-нибудь прямо здесь?

– На улице? – Артема так и перекосило. – С ума сошел? С уличной девкой можно нарваться на неприятности.

– А ты предохраняйся – и неприятностей не будет.

– Я имею в виду неприятности другого рода, – усмехнулся Артем. – В «Галерее» и «Дягилеве» хотя бы все холеные, обработанные, готовые в койку. А случайные девчонки... Вдруг она забыла себе что-нибудь побрить? Вдруг у нее на ногах лак облупился? Я с такими не могу.

– Дурак ты, Тема, – подумав, ответил Давид. – Поступай как знаешь, но мне хочется непредсказуемости. Приключения. Надоели прилизанные тетки без лица и возраста. Надоело гадать, от природы у нее гладкий лоб или там ботокс и золотые нити. Надоело, что она ложится на спину, а груди продолжают торчать вверх, как мячи для ватерполо. Хочу обычную девчонку, свежую, новую. Пусть она даже не знает, кто я такой, хотя в Москве это маловероятно. Конечно, она не должна быть проституткой. Так, легкомысленной давалочкой. А я уж ее не обижу. Вот хотя бы... Хотя бы вон ту, в зеленом платье.

– Которую? – Артем прижался носом к стеклу.

Девушка в нарядном – слишком нарядном для праздных прогулок – дешевом платье медленно брела по бульвару. Ей было не больше двадцати лет. Довольно миловидная шатенка, густые, не знавшие краски волосы плавными волнами спускались на незагорелые плечи. Вечернее платье, расшитое бисером и стеклярусом, смотрелось на ней как-то неуместно. Тем более что ее ноги были обуты в стоптанные рыжие мокасины, из которых кокетливо выглядывали – вот пошлость! – белые тоненькие носки. А на ее плече болталась необъятная потертая сумка. Однако фигурка ее была точеной – тонкая талия, широкие бедра, длинные стройные ноги; а лицо – вполне симпатичным. У нее был высокий лоб и большие карие глаза.

– Странная какая-то, – засомневался Артем. – Чего это она так одета?

– Ищет приключений, вот и нарядилась, – хохотнул Давид. – А мордашка у нее ничего. Не Наталья Водянова, конечно, но на сегодня сойдет, – и, наклонившись вперед, Давид решительно скомандовал водителю: – Притормози здесь!

Настя не сразу обратила внимание на тот автомобиль. Всего за десять часов Москва научила ее абстрагироваться, уходить в свою раковину, отгораживаться от ненужной внешней информации. Еще утром она изумлялась равнодушию москвичей, их фирменному взгляду, устремленному в никуда. Никто не смотрел никому в лицо. Всем было друг на друга наплевать. Каждый как ни в чем не бывало спешил по своим делам, игнорируя встречающих прохожих. Этих людей было невозможно удивить. То, что ей казалось как минимум странным: аляписто покрашенные нищенки в пышных цыганских юбках, ярко одетые подростки на роликах, ретроавтомобиль, проехавший по Тверской, длинногие красавицы, словно сошедшие с обложки глянцевого журнала, – было для них всего лишь обыденностью, частью ничем не примечательного дня.

Автомобиль – белый, роскошный, сверкающий – остановился рядом с ней. Тонированное стекло медленно отъехало вниз, и Настя увидела улыбающееся мужское лицо: мужчина был до того хорош собою, что она остановилась и немного неуверенно улыбнулась в ответ. Он был похож на героя голливудского фильма – смуглый брюнет со смешинками в темных глазах. За все двадцать лет своей жизни Настя Прялкина не то что таких мужчин не видела, но даже представить себе не могла, что они существуют за рамками ее старенького барахлающего телевизора.

– Добрый вечер, – у него был низкий приятный голос. – Гуляете?

– Да, – послушно ответила она, немного стесняясь.

– Может быть, вас подвезти? – предложил волшебный мужчина. – У меня как раз есть свободное время.

Настя растерялась. Ее опыт межполовых отношений был не по возрасту скудным и сводился к нескольким свиданиям с наименее противными одноклассниками и короткому безрадостному роману с соседом, который был старше ее на двенадцать лет. Сосед тот давно на нее заглядывался, и два года назад она ему уступила. Он был занудой и трезвенником, собирал длинные светлые волосы в хвост, носил самовязанные свитера под кожаный пиджак. Восемнадцатилетняя Настя приняла хроническое занудство за очаровательную начитанность, а привычку нестандартно одеваться – за внутреннюю свободу. На первом свидании они были в кино, на следующий вечер он пригласил ее в ресторан, на третий – она сама напросилась в гости и предложила ему себя. Она распрощалась с девственностью решительно и без сожалений, как с загостившейся деревенской тетушкой. Сосед нервничал, пыхтел, дышал ей в лицо маринованной сельдью и жареным луком, душно наваливался на нее всей тяжестью своего тела. Его похожий на ленивую жирную ящерицу язык обследовал каждый потайной закоулок Настинного тела, и от раздражения ей хотелось кричать. Через неделю они расстались.

– Почему вы молчите? – мужчина из белого авто с интересом ее рассматривал. – Знаете, а поехали в гости!

– Я так не могу, – испугалась Настя.

– Нет, вы меня неправильно поняли. Будет вечеринка. Легкий ужин, шампанское, танцы, бассейн. Это недалеко. Потом я отвезу вас домой.

– Вечеринка? – с сомнением переспросила она.

– Ну да, – пожал плечами искуситель. – Вам понравится. Кстати, меня зовут Давид.

– Настя...

– Почему вы так на меня смотрите? Мое лицо кажется вам знакомым, да?

– Нет, – рассмеялась она. – А что, вы рок-звезда?

– Почти, – подмигнул Давид. – Ну так что, едем?

Через два часа она должна была вернуться на Ярославский вокзал. Поезд, пропахший беляшами, мочой и пылью, увезет ее обратно в Углич. С другой стороны... У Насти еще оставалось пятнадцать долларов. Если вечеринка закончится рано, она сможет пересидеть в привокзальном кафе и вернуться домой на утреннем поезде. На пятнадцать долларов она сможет чаевничать всю ночь. Это шанс увидеть совсем другой мир, шанс побыть в обществе мужчины, о котором девушка ее статуса и мечтать не смеет. А может быть, он обратит на нее внимание, вот ведь как смотрит, как блестят его глаза! Мечтать не вредно, конечно, но чем черт не шутит!

Настя Прялкина вовсе не была из тех помешанных на развлечениях легкомысленных эгоисток, которые пойдут на все ради нового впечатления. Совсем наоборот – в каком-то смысле она могла считаться аскетом. Ее жизнь была до того скучно выверенной, что уже в двадцать лет успела набить оскомину. Ее никогда не приглашали на детские праздники, в школе у нее так и не появилось друзей. В старших классах все изменилось, конечно. Ей простили и московское происхождение, и богемную мать, ее были готовы принять в стаю, только вот самой Насте это было уже не нужно. Развлечения ровесников казались ей какими-то ущербными. Они любили купить вскладчину несколько бутылок водки, дешевого лимонада в пластиковых бутылках, нехитрой закуски и устроиться на берегу Волги, на каком-нибудь полудиком пляже, вдали от посторонних глаз. Разводили костер, пекли картошку, иногда жарили шашлык, много пили. Кто-нибудь приносил магнитофон, кто-нибудь – гитару. Ближе к полуночи разбивались на парочки. Из-под каждого куста, из-за каждого дерева раздавалось приглушенное хихиканье или недвусмысленные стоны. Как правило, заканчивались эти амурные истории однообразно – либо в местном ЗАГСе с потрескавшимися стенами и плохо побеленными потолками, либо в абортарии, куда несостоявшуюся невесту за волосы волокла разъяренная мать.

В последнее время Настя часто задумывалась о собственной обделенности. Судя по маминым обрывочным воспоминаниям, когда-то у них была квартира в самом центре Москвы. Если бы бабушка не умерла так рано, если бы мама не сошла с ума, если бы они остались в городе, Настина жизнь могла бы сложиться по-другому. Она окончила бы нормальную московскую школу и поступила бы не в кулинарный техникум, а в какой-нибудь гуманитарный вуз, стала бы, как сейчас модно, пиарщиком или журналистом. Настя одевалась бы не хуже тех девушек, на которых сегодня она смотрела затаив дыхание, снизу вверх. И она тоже шла бы по городу с отсутствующим выражением лица, и каждую субботу ее приглашали бы на вечеринки, и...

– Какая-то она странная, может, обдолбанная? – раздался вдруг голос из-за спины очаровавшего ее бронекара.

– Настя, не пугайтесь, – тут же сказал он. – Это мой приятель Артем, он тоже поедет с нами на вечеринку. Он сегодня злой, с девушкой расстался... Так что, мы ведь едем? – он

открыл дверцу и подвинулся, приглашая ее залезть внутрь. – Решайтесь!.. Да бросьте, не смотрите на меня так, я же не маньяк какой-нибудь.

– Ладно, – наконец решилась она. – Но я должна быть дома не позднее трех утра.

Кто-то скажет: сама виновата. Кто-то рассудит: а что ожидать от девушки, которая приехала в незнакомый город в поисках смутных приключений, вырядилась в неуместное вечернее платье и отправилась шататься по бульварам, бессмысленно улыбаясь всем подряд?

Довольная Настя пила шампанское в авто, мило болтая с приветливыми молодыми людьми и предвкушая интересную вечеринку, а в это время некто невидимый разложил на ее счет причудливый пасьянс.

Давид и сам не понимал, о чем он говорит, – он умел быть обаятельным на автомате. Рассказывал какие-то истории – девушка только хлопала глазами, удивленно приоткрывала блестящие пухлые губки, востороженно посмеивалась. Давид понимал причину ее возбуждения – дуреху впечатлил размах, с которым подходили к жизни люди его круга. Он рассказывал о пляже в Доминиканской Республике, который его отец купил в подарок своей восемнадцатилетней любовнице. О брильянте-восьмикаратнике, впаивном в руль первого личного автомобиля Давида. О том, как на какой-то вечеринке в Лос-Анджелесе он разговаривал со Стивеном Тайлером и Сьюзен Сарандон, о том, как однажды он пригласил на свидание милую симпатяшку, которая держалась с ним кокетливо и просто, а потом выяснилось, что это сама Жизель Бундхен, бывшая девушка Леонардо Ди Каприо. О своем приятеле, богатом чуде, который построил в Подмосковье огромный аквапарк для личного пользования. О другом приятеле, который организовал модельное агентство только для того, чтобы под рукой всегда были красавицы, но неожиданно бизнес его пошел в гору. О вечеринках на яхтах, роскошных домах, которые покупаются запросто и лениво, словно это пачка мятных леденцов, об арабском скакуне по имени Гоша, который стоит тридцать тысяч долларов и уже пять лет бесцельно томится в их конюшне, потому что все боятся к нему подходить, но и продавать Гошу как-то жалко...

Настя слушала все это, и у нее кружилась голова (а может быть, дело в сухом шампанском, к которому она не привыкла и вкус которого сначала показался ей отвратительным, а потом, после нескольких осторожных глотков, – волшебным). Ей казалось, что она попала на другую планету. Причем планета та находилась в пугающей близости от ее, Настиного, мира, где часики с финифтью являются роскошным предсвадебным подарком, где обладатель дребезжащего отцовского мопеда считается cool guy, где незамужнюю и бездетную называют старой девой уже в двадцать пять, где свидания назначаются на берегу равнодушной Волги, а домашний самогон закусывают малосольными огурчиками.

– Эй, подруга, ты раскраснелась. – Давид отобрал у нее бокал. – Я тебя до инфаркта не доведу? Выходи, приехали!

А Настя и не заметила, что машина уже давно остановилась. Давид выбрался первым и подал ей руку. Насте вдруг стало неудобно за свою неловкость – выбираясь из авто, она ударила головой о дверцу, – на секунду у нее потемнело в глазах, но пришлось сделать вид, что ей совсем не больно, и первой посмеяться над недоразумением.

Загородный особняк родителей Давида был выполнен в стиле французского шале. Неровные серые камни поросли изумрудным мхом – Насте и невдомек было, что мох высадили специально, чтобы создать иллюзию старого замка. Снаружи дом казался не очень большим. Но когда молчаливый дворецкий (настоящий дворецкий! В темно-синем костюме и с набриолиненными волосами!) открыл перед ними дверь, стены замка словно раздвинулись, как на булгаковском сатанинском балу. Настя оказалась в огромном зале, залитом скудным золотистым светом. Сначала ей показалось, что дом старомодно освещается мерцающими свечами, потом она заметила, что это стилизованные хрустальные лампочки.

До блеска начищенная лестница из темного мрамора уходила вверх. А на ней, приветственно улыбаясь Насте, стояла женщина, чья совершенная красота находилась за гранью тривиальной бабской зависти, неприязненных взглядов искоса и даже естественного желания подражать. Невозможно было поверить, что она тоже скроена из обычных человеческих материалов, что по ее проступающим сквозь бледную кожу голубоватым жилам течет обычная теплая кровь, невозможно было поверить, что она тоже краснеет, чистит зубы, эпилирует подмышки и пользуется тампаксом, – гораздо проще было вообразить, что она богиня, по неведомой смертным причине ненадолго спустившаяся с небес. Черты ее лица показались Насте смутно знакомыми.

– Здравствуйте, – потрясенно прошептала Настя, в последний момент подавив желание присесть перед божественной красавицей в реверансе. – Меня зовут Анастасия...

– Эй, подруга, – раздался насмешливый голос Давида за ее спиной. – Можешь так не распинаться, это Лив Тайлер.

– Кто? – отшатнулась Настя. – А почему она...

– Восковая фигура, – снисходительно усмехнулся Давид. – Мой младший брат когда-то был от нее без ума. Отец подарил ему на тринадцатилетие. Не могу даже представить, чем мой братец с нею занимался за закрытыми дверями... А потом она ему надоела. Представляешь, какой привереда? Отверг саму Лив Тайлер, маленький стервец... А выбрасывать жалко, вот пока тут и стоит.

– Мне так неловко, – Настя со стыдом почувствовала, как холодноватая струйка нервного пота юрким земноводным заползла за воротник.

– Подруга, не переживай, – Давид покровительственно обнял ее за плечи. – Пойдем вниз, там комнаты отдыха, бассейн, бильярд. Выпьешь еще шампанского?

– Мы вроде бы собирались на вечеринку, – не вовремя вспомнила она.

– Это и есть вечеринка, милая, – усмехнулся Давид. – Самая лучшая вечеринка в твоей жизни.

– Только не говори: «Я тебя предупреждал!» – поморщился Давид.

– Я тебя предупреждал, – тотчас же выдал Артем. – Никогда не знакомься на улице. В лучшем случае нарвешься на какого-нибудь фрика, в худшем – подцепишь грибок кожи или гонорею. Я разве не рассказывал тебе о Люське из Ленинской библиотеки?

– Раз сто пятьдесят, – скривился Давид. – Она назвалась аспиранткой философского факультета МГУ, после двух бутылок шампанского продала тебе девственность за полторы тысячи долларов, а потом ты три месяца лечился у венеролога.

– Вот-вот. Но таких, как эта Настя, еще следует поискать, – рассмеялся Артем. – Я же сразу заметил, что она не в себе. Поздороваться с восковой фигурой – это надо же!

Они посмотрели на Настю, с ошарашенным лицом рассматривающую коллекционные хрустальные бокалы, которые отец Давида приобрел за четыре тысячи евро в Венеции. Хрустальная мозаика переливалась, как соколовища Али-Бабы, щекотные солнечные зайчики хохотали на ее веснушчатом лице.

– Вот бы мою маму сюда, – вполголоса бормотала странная девушка, – она бы все это зарисовала... Она бы была поражена!

– Зато симпатичная, – вздохнув, сказал Давид Артему. – Ну что, угостим девушку таблеткой? А то она какая-то тормозная, не понимает, что от нее требуется.

– У меня есть эфедрин, – порылся в кармане Артем.

– Боюсь, эфедрин с такой русалкой не прокатит, – покачал головой Давид. – Вообще-то принесли мне тут одну штуку... Может, подлить ей в шампанское? Говорят, башню сносит капитально.

– А что за «штука»? – насторожился Артем. – А то мне тут рассказывали, как один тип подмешал своей девчонке афродизиак, а она возьми и откинь тапки. Парень до сих пор сидит, так ничего и не смог доказать.

– Не беспокойся, я у проверенного человека брал. Я и себе налью. Гулять так гулять.

– А какой эффект-то будет?

– Тормоза сломаются, – расхохотался Давид. – А ты же знаешь, как я люблю жить без тормозов!

Алкольно-фармакологический фейерверк его оргазма всегда оставлял после себя тухлое болото вялой апатии. Развалившись в мягком кожаном кресле, Давид переключал телевизор с одного канала (там бойко трясла растиражированными глянец ягодицами Шакира) на другой (где в ритме r'n'b надувала аппетитные губки Рианна). Горничная Марина поставила перед ним поднос с лососем на пару. Голода он не чувствовал, хотя не ел, кажется, уже целые сутки.

Ну и ночь.

Рядом, завернувшись в норковый плед, дремал Артем. Его глаза закрывали смазанные расслабляющей маской ватные кружочки. Время от времени он вздрагивал всем телом, словно от удара невидимой плети, и начинал бормотать что-то бессвязное. Это раздражало.

Наконец Давид не выдержал и толкнул его локтем в бок.

– Что случилось? – подскочил Артем.

Выглядел давно неважно – под глазами залегли тени, черты лица заострились, побелели и высохли губы.

– Нехорошо мне, – после паузы признался Давид. – По-моему, мы вчера переборщили.

– С шампанским? Да, у меня из-за этой чертовой шипучки всегда болит голова. Ну почему бабы так любят шампанское?

– С девочкой, – без улыбки ответил Давид. – Мы переборщили с девочкой... А если она сейчас пишет заявление в милиции? Отец, конечно, меня отмажет, но... Меня брали с травой в прошлом месяце. Еще одна выходка может стоить мне сокращения бюджета.

– У тебя есть клуб...

– Клуб уже третий месяц в минусе, и ты об этом знаешь!.. Нет, я просто чувствую: что-то не так. Ты меня знаешь, у меня гипертрофированно развита интуиция.

– Да брось ты. – Артем широко зевнул, явив миру незалеченный кариес. – Никуда она не пойдет. Еще и рада будет, когда очнется. Я сунул ей в карман сто баксов.

– Ее хоть домой отвезли? Вроде ты вчера договаривался с шофером...

– Домой? Много чести! Ее почти не срубило, наверное, привычная. Она держалась очень бодренько, когда уходила. Правда, все время смеялась. Я велел посадить ее на Тверском бульваре. Там же, где мы ее и подобрали.

– Только не это, – простонал Давид. – Надо было убедиться, что она не в претензии... Если что, денег больше дать. У нас даже ее телефона нет. Черт его знает, что на меня вчера нашло... Нет, ты прав, больше никаких телок с улицы...

– Прекрати грузиться, – хлопнул его по плечу Артем. – Никуда она не пойдет. Она носит в сумочке кружевные трусы. Да на ней пробу ставить негде.

– Сомневаюсь. Мне кажется, мы еще об этой девчонке услышим.

В голове шумело море. К ресницам кто-то привязал пудовые гири – веки дрожали, но приоткрыться не могли. В глазах мела раскаленные пески колючая неприветливая пустыня. Язык пересох, похмельно дрожали пальцы.

Невероятным усилием воли она подняла руку и коснулась ладонью спутанных волос, горячего лба. Кажется, у нее температура, жар. Где она, что с ней произошло?

Ее сознание было похоже на разбитое зеркало. Вот мелькнул в одном из зеркальных кусочков знакомый образ – мама, снова пьяная, что-то себе под нос напевает. За последние несколько лет она постарела, голос звучал надтреснуто, как ненастроенный рояль. Она дома? Сама не заметила, как вернулась домой?.. Но почему тогда непослушные пальцы не чувствуют привычную колкость пропахшего печным дымом пледа?.. Еще один образ – она, Настя, танцует, веселая. Ее волосы разметались по спине, платье сползло с плеч, но спонтанная нагота воспринимается на ура, как уместный анекдот. Стоптанное мокасина заброшены в угол, босиком танцевать удобнее. Рядом с ней – красивое смуглое лицо молодого человека, он улыбается, обнимает Настю, стягивает с нее трусы... А потом – опять пустота... Кажется, там был еще один мужчина. Угрюмый блондин. Он тоже обнимал Настю, но как-то нехотя, лениво. У него были холодные руки... Она вспомнила потолок – высокий, не меньше четырех метров. Она лежала, раскинувшись, на огромной круглой кровати и рассматривала искаженное блаженной гримасой чужое мужское лицо. Оргазм был ему не к лицу, кажется, решила она тогда.

А сейчас, находясь в колком, темном и душном небытии, Настя Прялкина с ужасом подумала: неужели она напилась и пустилась во все тяжкие, неужели сократила дистанцию до нуля между собою и двумя (или их было больше?!) мужиками, имена и лица которых начисто стерлись из ее памяти?! Но... Почему она так поступила? Неужели Москва настолько вскружила ей голову – за какие-то жалкие сутки?

Вместе с памятью возвращались к ней и физические силы. Вскинув голову, распахнув глаза и болезненно сощурившись на солнечный свет, она с изумлением обнаружила, что сидит на бульварной скамье, а по-утреннему свежие прохожие брезгливо косятся на ее кое-как застегнутое смятое платье, взлохмаченные волосы в колтунах и неряшливый синяк на коленке.

Это было похоже на ночной кошмар, когда вдруг обнаруживаешь себя в людном месте совершенно обнаженной.

Она огляделась по сторонам и обнаружила, что рядом с ней валяется ее сумка. Небольшой московский бонус: ее хотя бы не обокрали. Лихорадочно порывшись в потайном отделении, она убедилась, что пятнадцать долларов и обратный билет на месте.

Щелкнув дешевой пластмассовой пудреницей, посмотрела на свое бледное отечное лицо. Кошмар какой. Не может быть, это не она, не Настя!

И все-таки, что именно вчера произошло?

Ей отчетливо вспомнился один момент.

Вот она, Настя, перед этажеркой в колониальном стиле изучает африканские маски, каждая из которых стоит на отдельном постаменте. Сзади к ней подходит Давид: он улыбается, и в руке его два хрустальных бокала с пузырящимся розовым шампанским. Она еще тогда подумала: странно, что так много пены. Это нехарактерно для дорогого шампанского, а Давид не похож на человека, который будет травить себя гастритной дешевкой.

– Выпьем? – говорит он, протягивая ей один бокал.

– Если только чуть-чуть, – неохотно соглашается Настя. Шипучие напитки она не любила, предпочитала белое вино.

– Нет уж, надо до дна, – настаивает Давид. – За знакомство. Если ты, конечно, хочешь, чтобы оно принесло нам обоим удачу.

Настя хотела. Его взгляд и улыбка завораживали. А бокал был совсем маленьким и наполненным только до половины. Она выпила, залпом. И почти тут же у нее закружилась голова.

– Это ничего, – сказал Давид, наблюдая за выражением ее лица, – ты просто слишком быстро выпила.

И все. Дальше на нее спустилось вязкое покрывало. Реальность вспоминалась урывками, словно Настя просматривала фото пленку и пыталась по обрывочным кадрам восстановить полную картину вечера.

Значит, ключевой момент – шипучая розовая жидкость. Ей что-то подлили, и она потеряла над собой контроль. Одурманили. И... Нет, об этом даже думать не хочется.

Настя почувствовала, как ее щекам вдруг стало горячо. Руки не слушались. Она провела ладонью по лицу. Слезы.

Какая же она дура.

Ну разве можно быть такой идиоткой в двадцать лет?!

* * *

Если бы в Настиной жизни случился хоть один близкий друг, если бы мать ее не завтракала яблочным самогоном, истово ловя дурманный кайф, может быть, кто-нибудь из них заметил бы, что в последние дни ее характер сильно изменился. Настю словно подменили – она уезжала в Москву улыбчивой девушкой, с будущим, но без прошлого, с мечтами, но без амбиций. А вернулась через сутки словно постаревшая, с теньевыми складочками в уголках губ и тоскливой бабьей безысходностью во взгляде.

– У тебя ПМС, что ли? – поинтересовалась сменщица.

Настя промычала что-то неопределенное и отправилась замешивать тесто для блинов.

В тот день у нее все валилось из рук. Опрокинула кастрюлю с почти готовым желе, да еще и на глазах у хозяина кафе – тот, само собой, поджал губы, пробормотал: «Ну конечно! Зачем беречь, раз не свое?» – защелкал калькулятором и объявил, что Прялкина штрафуется на двести пятьдесят рублей. Сумма была, по ее меркам, немаленькой, но Настя восприняла новость индифферентно. А потом одно за другим: подгорели блинчики, сырники получились некрасивыми, а тесто для шарлотки – комковатым, пористым, сахар для карамели перегорел, забытое на плите какао радостно изверглось из джезвы.

Сославшись на головную боль, Настя отпросилась домой.

И вот, свернувшись на пропахшей печным дымом постели, подтянув тощие коленки к груди и бессмысленно глядя в дощатый потолок, она впервые подумала: а ведь будет неправильно оставить это просто так. Он ведь даже имени ее не запомнил, даже имени! Для него случившееся – будничное событие, нечто само собой разумеющееся, как кофе на завтрак, как дождик в октябре. Интересно, сколько таких Насть у него было? Десять? Пятьдесят? Или она одна такая дура – сразу не поняла, чего от нее хотят?

Она должна найти его и объяснить.

Нет, не то, не так.

Она должна найти его и отомстить.

Невозможно подсчитать, сколько вот таких провинциальных ясноглазых дев, румяных, не по-городски белозубых, с солнечными зайчиками в волосах и запахом степной полыни на юной коже, в один прекрасный день начинают повторять эту священную мантру: «В Москву! В Москву!» Их пылкий максимализм подогрет расплотившимся глянцем, застенчиво глядя в зеркало, они видят Беонсе, Джей Ло, Пэрис Хилтон. Они трогательно «окают» и «гэкают», завивают плойкой челку и носят колготки с люрексом, зато знают, что на джинсовом задке каждой уважающей себя светской львицы должен стоять логотип D&G, что завтракать должно в «Пушкине», обедать – на «Веранде», а ужинать – вообще неприлично, что если разбавить сухое шампанское свежим клубничным соком, это будет называться «Dolce Vita». Они увешивают свои скромные спаленки постерами Тимати и слушают г'n'b. Они рисуют золотые стрелки на веках, причесываются, как Pink, и мечтают, что однажды при-

павший на одно колено солист поп-группы «Корни» протянет им на холеной ладони весь мир, первым кирпичиком которого станет скрепленная бриллиантовым колечком любовь.

Большинство из этих милых мечтательниц слишком инертны, чтобы на самом деле что-то предпринять. Пройдет время, они перестанут вздыхать над отфотошопленными лицами кумиров, обрастут проблемами и килограммами. Нежный румянец испарится с их отмеченных озабоченностью лиц, кариес проест зубы, тонкие морщинки крест-накрест перечеркнут их лица. И, глядя на них, стоящих за прилавками, скучающих в офисах, разгадывающих кроссворды в автобусах, невозможно будет представить, что когда-то они были самопровозглашенными принцессами своих выдуманных королевств.

Иные, те, что смелее и отчаяннее (или те, кому попросту нечего терять), рвут с прошлым и бросаются в омут с головой. Их сразу можно вычислить на любом московском вокзале – с потрепанными чемоданами, но в новых жмущих туфлях, с копейками в кармане, но с гордо поднятыми головами, они мечтательно улыбаются навстречу карнавально разногласой Москве. Их яркие иллюзии похожи на бабочек-однодневок – жить им от силы пару месяцев, голодных московских месяцев, за которые новоявленная «светская львица» поймет, что ее уникальную красоту в этом городе можно обменять разве что на пару стодолларовых купюр (да и то – если конкурентки волосы не повыдергивают), что ничего не дается даром, что разрекламированные журналами сказки о современных золушках – глупый фарс, что Москва и правда слезам не верит и бла-бла-бла...

* * *

Кто бы знал, что, пока Настя мучительно примеряет свои неожиданные цели к действительности, судьба уже готовит ей входной билет в тот мир, куда она так мечтает проникнуть.

Билету тому сорок два года, он обколот ботоксом и напоен антидепрессантами, он страдает мигренями и носит очки, он боится старости и смерти и четыре раза в неделю ходит к психоаналитику, он не верит в счастье и компенсирует скуку неумеренным потреблением жизни, и вообще это вовсе даже не «он», а «она», и зовут ее Ольгой Константиновной Шмаковой.

Ольга Константиновна из тех женщин, которые не смотрятся в молодости, зато с возрастом, вложив в свою наружность душу и средства, становятся почти красотками. Парадокс – мучимой депрессией, ей было на себя и на женственность свою наплевать. Однако вся ее жизнь состояла из скрупулезного ухода за собой – следующие друг за другом процедуры, спортзалы, солярии, курсы массажа, маникюрши и косметички создавали иллюзию, что ее существование имеет смысл, что ей есть ради чего проснуться.

А ведь когда-то она была экономистом, лекции в университете читала...

С гордо поднятым подбородком, словно королевскую корону, Ольга Константиновна несла свою социальную роль – вдова. Ее молодость, возможное счастье, сон без таблеток и легкомысленность остались в смутных девяностых, распростертым на окровавленном асфальте телом ее супруга. Тогда это случалось на каждом шагу. Об этом убийстве не писали газеты. Все Ольге сочувствовали, но никто особо не удивлялся. Непонятно, что ли, – сам виноват, увлекся кровавой дележкой, посмел возбудить в себе аппетит не по рангу... Это случилось так давно... Она и запаха его уже не помнит, не помнит вкуса его кожи, вибрации его голоса – почти ничего. Как можно оплакивать того, кого не помнишь, кто чужим взглядом смотрит с фотографии на письменном столе?

Она и не оплакивала давно, разлюбила, забыла, стерла, собрала его вещи в три больших тюка и отослала родственникам в Харьков. Но все равно в тот день, когда ей позвонил следователь, когда она обо всем узнала, что-то изменилось в ней на физиологическом уровне.

Как будто бы муж был жизненно важным органом, который неожиданно ампутировали, – пусть фантомные боли прошли, но все равно жизнь уже никогда не будет такой, как прежде.

А ведь тринадцать лет прошло.

Ольга Константиновна получила в наследство готовый бизнес с грамотным и – почти нонсенс! – честным управляющим и могла не думать о хлебе насущном. Денег было столько, что она не представляла, на что еще их можно потратить. Ее повседневность была постоянной погоней за удовольствиями – безо всякого морального удовлетворения.

После мужа у нее были мужчины. Два затяжных романа, несколько случайных связей. Ничего особенного. В какой-то момент Ольга Константиновна с ужасом поняла, что ей, красивой и еще совсем молодой женщине, не нужен секс. Вообще. Что-то изменилось в ней, что-то перещелкнуло. И сначала она запаниковала, бросилась к лучшим врачам, а потом подумала – а надо ли? Так даже проще. В Москве к сексу обычно прилагается либо патологический кобелизм партнера, либо неуловимое утреннее разочарование, либо надежды, которые все равно в итоге рухнут, как карточный домик, либо вообще хронический хламидиоз.

Не хочется секса – и не нужно. Одной проблемой меньше.

У нее была взрослая дочь – Оксана. Трудный возраст, семнадцать лет. Они жили вместе – в состоянии вечной холодной войны. Ольга понимала, что строить мосты поздно. Когда мужа расстреляли, она отослала Ксюшку в Эдинбург, в элитный приют. Они не виделись почти два года. Сейчас Ольга понимает, что поступила безрассудно, но тогда ей казалось, что это единственный правильный вариант. Зачем малышке видеть, как ее мать засыпает в обнимку с фотографией покойного, а утром снимок приходится выбрасывать, потому что он размок от слез? Зачем видеть вереницу сочувственных лиц, именитых психиатров с их дежурными репликами, что жизнь, мол, только начинается? Зачем видеть, как она, Ольга, словно зараженный космическим вирусом киногоерой, медленно превращается в другого, чужого человека?

Может быть, если бы Оксанка тогда осталась, все было бы по-другому. Ольга бы выплеснула на дочь невостребованную нежность, заботу, любовь... Она ведь так и не почувствовала себя полноценной матерью. Ксюшка была случайным ребенком, Ольга, в то время вертихвостка чуть за двадцать, считала себя слишком молодой для материнства, а супруг ей во всем потакал. Она решилась на аборт, но врач сказал, что могут быть последствия, у Ольги отрицательный резус...

Так и повелось. После Эдинбурга был Лондон, потом Париж, потом Москва и круглосуточная няня, потом школа-пятидневка, потом... Потом в один прекрасный день до Ольги дошло, что они с дочерью – чужие люди и изменить ничего невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.